

**Монахиня Евфимия
(Пащенко)**

Монахиня Евфимия
(Пашенко)

**СВОЙ ЧЕЛОВЕК
НА НЕБЕСАХ**

Православный детектив

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-311.3

ББК 84(2Рос=Рус)6

П22

При содействии
литературного агентства Олега Зоберна

Евфимия (Пашенко), монахиня

П22 Свой человек на небесах / Монахиня Евфимия Пашенко. — Москва: Издательство АСТ, 2016. — 480 с. — (Книги о святых и верующих).

ISBN 978-5-17-098979-9

Такого православного детектива в юбке еще не бывало на свете! Тайны и преступления, которые приходится расследовать Нине Сергеевне из любопытства, а то и против воли, — это тайны особого рода. Колодцы прошлого темны и глубоки. Свидетели мертвые, факты недостоверны, даже документы подчас лгут. Как установить истину? И какой ценой придется заплатить самой героине за желание ее узнать?

УДК 821.161.1-311.3

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-098979-9

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Об авторе

Монахиня Евфимия (Пашенко) работает врачом в московской клинике, а еще она пишет книги, которые пользуются огромным успехом.

Эта книга открывает новый жанр – православный детектив. Главная героиня этих рассказов Нина Сергеевна умудряется попадать в такие ситуации, которые можно разрешить только вмешательством свыше. Но кто он, этот небесный помощник? Чье заступничество избавляет от бед и даже смерти?..

Матушка Евфимия родилась в 1964 г. в Архангельске в семье врачей. В 1987 г. окончила Архангельский медицинский институт, в 2005 г. заочно – Православный Свято-Тихоновский Богословский институт. В 1993 г. пострижена в рясофор, в 1996 г. – в мантию. С 1986 по 2012 г. несла послушание чтеца-певчей в храме Святителя Мартина Исповедника (Архангельск).

«Свой человек на небесах» – долгожданный роман монахини Евфимии – писательницы и врача.

Глава 1

БУКВА УБИВАЕТ

«...буква убивает, а дух животворит».

2 Kopecks 3,6

1984 год... Сидя у окна автобуса, врач-интерн¹ Нина Сергеевна Н., которую старшие коллеги чаще называли просто Ниной, смотрела на тянувшуюся вдоль дороги равнину, поросшую редким сосняком вперемешку с чахлыми елочками. Унылая картина! А ведь когда-то здесь простирались леса — непроходимые, величественные леса, которыми издавна славилась Михайловская область. «На Севере — доска, тоска и треска» — вспомнилась Нине знакомая с детских лет поговорка про ее родной край. Треску выловили, леса вырубили. Что осталось? Только пустошь — безжизненная пустошь...безднодная пустыня... Нет, все-таки не безлюдная. Ведь где-то здесь находится деревня со странным названием Хонга², куда едет Нина...

— Это Вы спрашивали, когда будет Хонга? — раздалось у нее за спиной. — Да вот же она!

¹ Интерн — выпускник мединститута, который проходит годичную стажировку в больнице или поликлинике под руководством кого-либо из врачей, прежде чем начать работать самостоятельно. Эта стажировка называется интернатурой.

² Хонга — северный (лешуконский) диалект — сухое дерево.

За окном показались одноэтажные домики, баньки, изгороди. Автобус остановился. Подхватив сумку, Нина неуклюже спрыгнула с подножки на обочину, едва не угодив в придорожную лужу. А автобус, устало урча мотором, покатил дальше...

* * *

Нина оказалась в Хонге не по собственному хотению, а по начальственному велению. Несмотря на то, что в Михайловске был свой мединститут, его выпускники стремились любой ценой устроиться на работу в областном центре. Никто не горел желанием трудиться на непаханой ниве сельской медицины. Поэтому врачей из областной больницы, где Нина проходила интернатуру по терапии, то и дело посыпали в командировки по селам и лесопунктам. Теперь настал и ее черед. Разумеется, поскольку Нина была еще интерном и не имела права работать самостоятельно, ее направили в Хонгинскую больницу в помощь единственному тамошнему врачу. Тем не менее, девушке предстояло целый месяц жить вдали от дома и, самое главное, вдали от храма, куда она ходила уже второй год после того, как, будучи на четвертом курсе мединститута, тайно приняла Крещение. Конечно, Нина взяла с собой иконки, Новый Завет и молитвослов, на приобретение которого она в свое время героически потратила половину стипендии. И все-таки столь длительная разлука с храмом весьма тяготила ее. Оставалось утешаться лишь тем, что преподобные отцы былых времен годами жили в пустынях и лесных чащобах. И уповать – Господь зачтет ей это как подвиг во имя Еgo. А разве не отрадно чувствовать себя подвижницей?

* * *

— Скажите, а где тут у вас больница? — спросила Нина встретившуюся ей по дороге старушку в темно-зеленом платке и поношенной фуфайке.

— А вон где-ка! — ответила та, показывая рукой на невысокий холм, где виднелось одноэтажное здание, выкрашенное голубой краской. — Как перейдете реку... Река-то наша зовется Курья... это оттого, что она летом мелеет — куренку впопру перейти... Так вот — как перейдете ее да подниметесь в горку, так первым делом там будет почта. Вон она! Так больница сразу за ней. А еще подале...

Впрочем, Нина не стала тратить время на выслушивание импровизированной лекции по местной географии, которую явно намеревалась ей прочесть словоохотливая старушка. Пробормотав «спасибо», она зашагала к мостику, проложенному через... пожалуй, речонку Курью даже сейчас, в пору весеннего половодья, мог без труда форсировать вброд пресловутый куренок... А ее случайная собеседница еще долго стояла и, заслонив рукой глаза от яркого весеннего солнца, смотрела на удалявшуюся незнакомку в городской одежде. Что поделать — в эти края гости из города жаловали слишком редко. И, как правило, не задерживались надолго.

* * *

Местная больница оказалась немного покосившимся зданием с покатой крышей и мезонином. Как ни странно, у нее было сразу два крыльца — одно справа, другое слева. И Нина остановилась, словно сказочный богатырь перед придорожным камнем с предупреждающей надписью: «налево пойдешь — коня потеряешь,

направо пойдешь — меча лишишься, прямо пойдешь — самому тебе живу не быть». Куда же пойти — направо или налево? Ведь оба крыльца совершенно одинаковые...

Немного поразмыслив, Нина выбрала, так сказать, «десной путь». Ведь каждый православный знает и помнит, какая участь ждет тех, кого Господь поставит на Страшном Суде слева от Себя. А потому лучше ходить «правыми стезями». Так учили Нину старые прихожанки храма, куда она ходила после крещения. Направляясь на службу, они старались войти не в широко распахнутые церковные ворота, а в узкую калитку справа от них. Этому благочестивому обычаям они не изменяли даже осенью, когда в аккурат под калиткой разливалась внушительных размеров лужа, ни зимой, когда мороз превращал оный природный водоем в самый настоящий каток. Потому что были уверены — вот он, пресловутый узкий и правый путь!

...Едва Нина под предательский скрип половиц вошла в коридор с наполовину выбеленными, наполовину выкрашенными в грязно-голубой цвет стенами и множеством дверей, как на нее пахнуло знакомым больничным запахом лекарств, хлорки и подгоревшей каши. И тут одна из дверей отворилась. Из нее в коридор, переваливаясь по-утиному, вышла невысокая полная женщина лет сорока в белом халате и уставилась на Нину недружелюбно, исподлобья:

— Вы это куда? — буркнула она. — Сегодня нету посещений!

— Я врач из Михайловска. Приехала сюда в командировку, — подчеркнуто вежливо, пожалуй, даже несколько надменно ответила Нина. Потому что сразу поняла — стоящая перед ней хамоватая особа — санитарка или медсестра. В

таком случае следует поставить на место нарушительницу служебной субординации... — Где я могу увидеть вашего главного врача?

Похоже, женщина принадлежала к той разновидности грубиянов, которую в народе называют «молодец против овец». Она сразу же стушевалась.

— Подождите тут. Я его сейчас позову, — буркнула она и, заглянув в одну из дверей, вполголоса позвала:

— Павел Иванович! Тут к вам из города приехали!

— Сейчас, Елена Васильевна! Сейчас иду! — раздалось из-за двери. Вслед за тем на пороге показался высокий плотный мужчина лет пятидесяти с круглым, по-юношески румяным лицом. Выглядел он моложаво. Однако его коротко стриженные волосы были совсем седыми. Вдобавок, главный врач сильно сутулился, как будто здешние потолки и дверные проемы были слишком низки для него. Или словно для него вошло в привычку быть согбенным...

— Вы ко мне? — спросил он, настороженно вглядываясь в Нину сквозь очки с толстыми стеклами. — Что Вы хотите? А-а... Вас сюда в командировку направили? — при этих словах он приветливо заулыбался, и голос его зазвучал мягко, даже несколько игриво. — Вот оно что! Тогда с приездом, коллега. Вы как нельзя кстати. Я ведь тут — один за всех. И за терапевта, и за хирурга, и за невропатолога. Да что там — даже зубы удаляю! Помощники мне еще как нужны! Вот завтра мы с Вами и начнем работать вместе. А сегодня отдохните с дороги, осмотритесь. Пойдемте, покажу, где Вы будете жить. Это здесь же, только наверху, в мезонине. Елена Васильевна! — обратился он к медсестре, бдительно

наблюдавшей за ним и Ниной. Принесите мне ключ от той комнаты... И постельное белье. Только выберите то, которое поновей... Конечно, обстановка там почти спартанская. Но жить можно. Врачи, которые к нам приезжают, обычно там и живут. И не жалуются.

Теперь Нине стало понятно, с какой целью у здания здешней больницы имеется второй вход. Он ведет на второй этаж, где квартирует здешний персонал. Удобно придумано — спустился по лестнице на улицу, обогнул здание больницы — и ты уже на работе! Хотя жаль, что Нине придется жить по соседству не только с любезным Павлом Ивановичем, но и с этой грубянкой-медсестрой. На редкость неприятная особа!

Тем временем неприятная особа молча вручила Нине стопку чистого белья, а Павлу Ивановичу — ключ на самодельном кольце из алюминиевой проволоки.

— Пойдемте, Нина Сергеевна! — произнес главный врач с любезностью хлебосольного хозяина, принимающего у себя дорогую гостью.

К удивлению девушки, им не пришлось выходить на улицу — лестница, которая вела наверх, в мезонин, находилась напротив наружной двери.

* * *

— Ну, вот и Ваша комната, уважаемая коллега! — Павел Иванович широко распахнул перед Ниной дверь, обитую потертой черной kleenкой, из-под которой сквозь прорехи выглядывала клошковатая грязная вата. — Располагайтесь как дома! Конечно, здесь одной Вам будет скучновато — что поделать, других жилых комнат здесь нет... Если что-то будет нужно, найдите меня или Елену Васильевну. Чем можем — по-

можем. А пока, если позволите, я Вас ненадолго покину и доделаю кое-какие дела. После чего вернусь к Вам. Вы не против, коллега?

Оставшись одна, Нина огляделась по сторонам. Обстановка комнаты и впрямь была спартанской. В углу — металлическая кровать с матрасом не первой новизны и чистоты. Рядом — круглый стол с обшарпанной и местами прожженной столешницей, пара шатких стульев. На одной из стен, оклеенных выцветшими обоями, красовался календарь за позапрошлый год. Картина на нем изображала сказочное Лукоморье с пресловутым зеленым дубом, котом на златой цепи, длинноволосой синюшной русалкой и юным поэтом, изумленно взирающим на все эти дивные чудеса... Впрочем, Нина даже обрадовалась столь убогому убранству комнаты — почти монашеская келья. Оставалось лишь развесить иконы и выложить из сумки молитвослов и Новый Завет.

Раскрыв дорожную сумку, она извлекла оттуда Владимирскую икону Божией Матери в овальной пластмассовой рамке и бумажный образок Великомученика и целителя Пантелейиона, наклеенный на золотистую картонку. Перекрестившись и поцеловав края иконок, Нина поставила их на подоконник, в изголовье кровати. Затем расстелила на столе бумажную салфетку и бережно положила на них Новый Завет и молитвослов. А рядом — недавно купленный ею роман Сенкевича «Куда идешь». Надо сказать, что Нина, подобно своим единоверцам-неофитам, была убеждена, что православному не должно читать светских книг, которые разжигают в человеке страсти, отвлекая от «единого на потребу». И потому, крестившись, она беспрепетно избавилась от некогда любимых ею романов и детекти-

вов, выбросив их в мусорный контейнер — туда и дорога всему этому греховному чтиву! Однако для книги Сенкевича было сделано исключение. Ведь в ней повествовалось о святых мучениках, страдавших за Христа во времена нечестивого Нерона¹. А Нина очень любила читать жития мучеников и исповедников, восхищаясь их подвигами и втайне сожалея о том, что Господь не сподобил ее жить в те времена. Возможно, она тоже стала бы мученицей...

Застелив кровать, Нина уселась на жалобно скрипнувший под нею стул, размышляя, чем бы заняться дальше. Пожалуй, прежде всего, нужно согреться. В этой комнате слишком холодно и сыро — так недолго и простудиться. Конечно, здесь есть печь, а за ней — целая охапка дров. Вот только Нина не умеет топить печи — ведь она почти всю жизнь прожила в доме с паровым отоплением. Конечно, святые терпели и куда более сильные холода, угешая себя тем, что «люта зима, да сладок рай». И все-таки перспектива провести ночь в нетопленой комнате не радовала Нину. Что ж, придется спать одетой и согреваться чаем. К счастью, она, по совету мамы, взяла с собой кружку и кипятильник. Вот только где же тут водопроводный кран?

Вместо искомого крана на стене возле двери обнаружился пластмассовый рукомойник, единственным содержимым которого оказался дохлый таракан, вероятно, скончавшийся от

¹ «Куда идешь» (по-славянски — «Камо грядеши») — роман польского писателя-классика XIX в. Генрика Сенкевича из времен императора Нерона. В основе сюжета — история любви воина-язычника Марка Виниция к юной христианке Лигии и его обращения ко Христу.

жажды. А за печкой стояли два пустых ведра. Судя по всему, прежние обитатели этого жилища носили в них воду. Подхватив грохочущие ведра, Нина спустилась по лестнице, на ходу раздумывая, как ей узнать местонахождение колодца. Придется спросить кого-нибудь...

Выйдя в больничный коридор, она заглянула в первую попавшуюся дверь, и...

— ...опять из города прикатила какая-то... — донесся до Нины резкий голос Елены Васильевны. Медсестра сидела за столом, покрытым цветастой клеенкой, рядом с плитой, уставленной кастрюлями и чайниками. Рядом на табуретке примостилась худощавая печальная женщина — на вид лет пятидесяти, в белом халате и белой косынке, повязанной по самые брови. Судя по всему, то была здешняя повариха. Она с покорным видом слушала медсестру, периодически кивая головой, словно во всем соглашаясь с ней.

Увидев Нину, Елена Васильевна смолкла на полуслове и уставилась на нее с видом человека, воочию убедившегося в правоте поговорки: не поминай, не то явится...

— Простите, а где тут у вас колодец? — спросила Нина медсестру.

Однако Елена Васильевна испуганно таращилась на нее, не в силах вымолвить на слова. Пока на помощь ей не пришла повариха.

— Колодец во дворе, — ответила она, — как выйдете на улицу — поверните направо. Сразу его и увидите... Погодите-ка! Вы ведь, небось, проголодались с дороги! Вот, выпейте-ка чайку да кашки поешьте перловой...

И не успела Нина ответить, как она одним взмахом поварешки наполнила тарелку густой кашей и, прихрамывая, направилась к плите за